

Холмогорская летопись XVI в. (в списке XVII в.) и Двинской летописей XVII—XVIII вв., и Вологде, где сохранились общерусская Вологодская летопись XVII в. (в списке рубежа XVII—XVIII вв.) и краткие Вологодские летописи более позднего времени. Устюжские летописи интересны и ценны не только для истории местного летописания и истории края, но и для изучения истории русского летописания в целом.

Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ТЕКСТА ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЫ

Ставя вопрос об истории текста Псковской Судной грамоты (ПСГ), необходимо четко отделить историю текста памятника от истории правовых норм, отраженных в нем. Право как реальность, как исторический факт может существовать независимо от своей кодификации. Можно не сомневаться в том, что основные правовые нормы средневековья, отражая реальные общественные отношения, складывались на протяжении веков и существовали до своей кодификации в том или ином виде. Можно не сомневаться и в том, что древнерусские юридические памятники отразили в своих текстах только часть реально существовавшего и действовавшего права. Если при этом указы государственной власти и судебные решения по отдельным вопросам могли в некоторых случаях (особенно по мере дальнейшего развития феодального общества и его права) сразу фиксироваться в письменной форме, то множество других видов права, уходивших корнями в традиционные отношения, в обычное право и связанных с повседневными, хорошо всем известными реалиями, могли в течение длительного времени вовсе не записываться, а подразумеваться как бы сами собой.¹ Поэтому запись нормы в средневековом праве, помещенном старинной традицией, далеко не равнозначна появлению самой нормы как таковой. Большая древность нормы совершенно не обязательно должна соответствовать большей древности ее записи. Напротив, вполне возможно, что в первую очередь записываются именно новые, возникающие нормы, носители характера законов, издаваемых государственной властью.

История текста ПСГ — это история складывания памятника в его известном нам виде, т. е. история записи содержащихся в нем норм, а не самих этих норм как таковых.

¹ «Судебники и грамоты далеко не содержат всего права, действовавшего в их время. . . надо всегда помнить, что остается еще некоторый пласт, действовавший на практике и существенно дополнявший эти уложения» (Сорхоевич В. И. Лекции и исследования. Изд. 3. СПб., 1903, с. 27).

Непосредственные указания на время составления ПСГ, а также на ее источники содержатся в заголовке памятника. Однако можно без преувеличений сказать, что заголовок Грамоты принадлежит к числу ее самых темных и загадочных мест. Основное противоречие в тексте заголовка — противоречие между ясным и точным указанием на пять соборов, с одной стороны, и таким же ясным и точным указанием на дату составления ПСГ. Согласно первому указанию, ПСГ могла возникнуть не раньше 1462 г. (даты создания 5-го собора в Пскове); согласно второму — она «списана» в 1397 г. Против второй даты говорит и указание заголовка на «книжк Констаантинову грамоту» как на один из источников ПСГ: известно, что князь Константин появился в Пскове впервые в 1407 г. Противоречия заголовка по существу своему непримиримы. Какое из указаний заголовка правильно и почему в заголовке оказались такие противоречия, об этом можно только гадать.

Наиболее простым и естественным казалось с самого начала предположение об опечатке писца, пропустившего в написании года $\overline{5000}$ предпоследнюю букву. Тогда все становится очень понятным: Грамота утверждена на вече в 1467 г., когда существовали все пять соборов и княжение Константина было уже позади. По этому пути пошли первый издатель и комментатор Грамоты Н. П. Мурзакевич,² а за ним большинство исследователей: Ф. П. Устрялов, Н. В. Энгельман, А. П. Никитский, П. П. Мрочек-Дроздовский, В. П. Сергеевич, М. П. Латкин, А. П. Филиппов, М. К. Рожкова. По принятию 1467 г. как даты утверждения Грамоты приводило в необходимость объяснить, почему Грамота составлена и торжественно утверждена именно в тот момент, когда особность Пскова клонилась к упадку и была уже анахронизмом. Сторонники 1467 г. как даты составления ПСГ находят ответ на этот вопрос, связывая утверждение Грамоты с прибытием в Псков нового наместника великого князя, кн. Ф. Ю. Шуйского, с более широкими полномочиями, чем прежние наместники. Отсюда напрашивается вывод, что все ПСГ составлена и утверждена в целях сохранения «особности и «вольности» Псковской земли от «самоуластия» Москвы.³

² Мурзакевич Н. П. Псковская Судная грамота, составленная на вече в 1467 г. Одесса, 1847.

³ По словам П. П. Мрочек-Дроздовского, псковичи «уже предусматривали грядущую беду» (Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов. — Юридический вестник, 1884, № 5—6, с. 116). В подобных высказываниях, типичных для либеральной буржуазной историографии конца XIX—начала XX в., сквозит невообразимый характер и историческое значение образования Русского государства, которое именуется «Московским» и односторонне изображается как плод «самостоятельного» московских князей, а не как результат многовековой борьбы русского народа за национальное единство и независимость. Советские историки стоят на принципиально иной позиции, рассматривая образование Русского централизованного государства и включение в его состав вечных земель как прогрессивное явление и суще-

В наиболее развернутом виде соответствующая аргументация приведена М. К. Рожковой: история составления ПСГ — это история удавки нековской независимости.⁴

Надо, однако, признать, что подобная точка зрения на причины и обстоятельства составления ПСГ отличается крайней искусственностью. Конечно, как могла Нековская земля, сотни лет обходившаяся без писаного закона, создать этот закон и торжественно утвердить его именно тогда, когда Нековом уже в значительной мере была утрачена независимость.

Какое значение могла иметь нечаянная декларация в условиях быстро нарастающей власти великого князя и его наместников? Признание 1467 г. датой составления ПСГ не только ставит в тупик относительно мотивов действий нековского веча, но и лишает саму эту Грамоту большой доли практического значения. Кроме того, как верно отметил Л. В. Черепнин, 1467 год вовсе не был каким-то особым переломным годом в истории отношений Некова с великим князем: уже в 40-х годах XV в. нековские князья целуют крест к великому князю,⁵ что соответствует полному формальному признанию великокняжеского суверенитета над Нековом.

Многие исследователи не считают возможным «исправить» текст рукописи и принимают 1397 г. в качестве действительной даты составления одной из редакций Грамоты (Н. В. Калачов, М. Ф. Владимирский-Буданов, М. А. Дьяконов, Б. Б. Кафенгауз, Л. В. Черепнин, И. И. Полосин). Фактически это означает признание того факта, что Грамота создавалась не сразу и утверждалась не один раз и что дата заголовка отражает только один из этапов этого утверждения. Мнение этих исследователей кажется мне наиболее правдоподобным. Оно, во-первых, исключает искусственную (т. е. произвольную) версию об «ошибке писца» (обычно надвигаемую исследователем для «объяснения» непонятных ему мест); во-вторых, устраивает не менее произвольное, но еще более искусственное представление о кодификации нековского права и момент утраты этим правом практической силы. Но, исключая необходимость всяких натяжек, принятие даты, содержащейся в рукописи, создает в свою очередь известные трудности, обязывая исследователя объяснить, почему одно указанное заголовка не соответствует другому.

ственно важную веку в истории нашей Родины. См.: Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. М., 1960; Малеин И. И. Присоединение Некова к Русскому централизованному государству. Л., 1955; Бернадский В. П. Новгородская земля в XV в. М., 1962; и др.

⁴ Рожкова М. К. К вопросу о происхождении в составе Нековской Судной Грамоты. М., 1927.

⁵ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы, ч. I. М., 1948, с. 412—413. — Аналогичные соображения высказал И. Д. Мартысевич (Нековская Судная Грамота. Историко-юридическое исследование. М., 1951, с. 33).

Прежде всего возникает вопрос: действительно ли ПСГ имела такой заголовок при своем составлении, или же он был добавлен поздним переписчиком? И литературе на этот счет существуют разные мнения. Ветхий, дефектный и бедный по оформлению протограф Вороицовского списка был слабее, вероятно, заголовком, возможно даже киншварным, но таким же ветхим и дефектным, как сама рукопись. В этом случае вполне возможны ошибочные прочтение и воспроизведение этого заголовка в Вороицовском сборнике, хотя, где именно и как именно ошибся его писец, сказать, разумеется, невозможно. Менее вероятно, что рукопись попала в руки писца Вороицовского сборника вообще без заголовка и он придумал заголовок сам. Более правдоподобно, что реалии заголовка — указания на грамоты вел. кн. Александра и князя Константина, на иконовские соборы и т. д. — содержались в заголовке протографа Вороицовского списка и перешли в него в свою очередь с еще более древней рукописи. Таким образом, есть, на мой взгляд, основания идти к заголовку Вороицовского списка отражение первоначального аутентичного заголовка ПСГ. Первоначальный заголовок был, возможно, полнее. При его переписывании в протограф Вороицовского списка или (что менее вероятно) из этого протографа в сам Вороицовский сборник из него могли исчезнуть отдельные детали, казавшиеся писцу малозначительными. Заголовок в его теперешнем виде отражает два этапа утверждения грамоты: в 1397 г. и по благословению пяти соборов, т. е. не раньше 1462 г. Оба указания могут иметь реальное значение, но грамматическая связь между ними утрачена. В протографе заголовка такая связь, возможно, была. Дата **СѸЕ** могла сохраниться в протографе как указание на наиболее важное событие в истории Грамоты — первое утверждение ее на вече.

Наличие в заголовке двух хронологических пластов позволяет высказать мысль, что Грамота, впервые утвержденная в 1397 г., далее переутверждалась неоднократно: может быть, в связи с приездом новых князей или при составлении новых редакций.

Исходя непосредственно из текста заголовка, приходим к выводу, что известный нам текст ПСГ был утвержден между 1462 и 1471 гг.⁴ (новее не обязательно в 1467 г.), т. е. является относительно поздним кодексом иконовского права. Этот кодекс вместе с тем был, вероятно, и последним, поэтому сохранился именно он; в условиях быстро возрастающей зависимости Иконова от великого князя, в канун включения Иконова в состав единого Русского государства не было необходимости в создании новых редакций.

Поздняя датировка дошедшего до нас кодекса придает ему особую ценность. Перед нами — последний акт иконовского пись-

⁴ К вышесказанному выводу пришел И. Д. Мартысенко (Иконовская Судная Грамота, с. 36—37).

менного права, отразивший, надо полагать, длительный период и разные этапы развития этого права. Псков вошел в состав нового Русского государства со своей наместной или пошлинной грамотой, и эта грамота стала владом печеного города-земли в создававшуюся систему общерусского права.

Одним из источников, связанных с происхождением Псковской Судной грамоты, является послание к Псков митрополита Кириана, датированное 12 мая 1395 г.

Послание митрополита Кириана позволяет сделать важные выводы.

Во-первых, грамота вел. кн. Александра действительно существовала в Пскове,⁷ этим полностью подтверждается соответствующее указание дефектного заголовка ПСГ.

Во-вторых, эта грамота не просто была известна псковичам (посылалась в Псков), но имела в их глазах особое значение. Это была грамота, «по чему ходити, как ли судити, или кого как казнити», и псковичи «сходили по той грамоте» и судили по ней суды. Эта грамота была основой псковского писаного права, но о каких других актах митрополит не упоминает.

Грамота вел. кн. Александра была для Пскова старинной — традиционной основой права. Она отождествлялась с пошлинной: «и на по той старине и ходите. . . ходите по своей пошлинне».

Наконец, в послании митрополита подчеркивается, что вел. кн. Александр был волен дать «такову грамоту на христианское добро». В противоположность незаконным действиям архиепископа Дионисия, «волен всякий царь в своем царстве или князь в своем княжестве всякая дела управлявати и грамоты записывати». Грамота вел. кн. Александра была, судя по этим словам, односторонним актом князя по отношению к своему княжеству.

Итак, до 1382 г. — года прибытия в Псков архиепископа Дионисия — Псков уже имел свою «старину и пошлинну», ассоциируемую с письменным актом — грамотой вел. кн. Александра.⁸

При оценке сведений, содержащихся в послании митрополита Кириана, важно знать, в какой степени митрополит Кириан был осведомлен о реальных событиях псковской жизни. В литературе высказывалось скептическое отношение к этому вопросу.⁹ Оправдан ли такой скептицизм?

На рубеже XIV и XV вв. Псков и Новгород были в центре внимания митрополитской кафедры. Об этом свидетельствуют многие десятки сохранившихся митрополитских посланий и эти

⁷ «владыка суздальский Денисей списал грамоту, коли был в Пскове, и принял в грамоте князи великого Александрове. . .» (РИБ, т. VI, 1880, № 28, столб. 233).

⁸ О том, что псковская старина идет именно от вел. кн. Александра, говорит и пошлица (1461 г.) грамота митрополита Ноны (РИБ, т. VI, № 90, столб. 675).

⁹ Такое мнение высказали, например, М. А. Дьяконов и Л. В. Черашниц.

города. Митрополиты Кириил и Фотий пристально наблюдали за событиями церковной (следовательно, и общественно-политической) жизни вечных городов-земель, что предполагает хорошую осведомленность о их правовых институтах. Трудно представить себе, чтобы митрополит Кириил, энергичный деятель, проводивший активную церковную политику, обратился к Пскову по поводу грамоты вел. кн. Александра, не имея достаточно надежных сведений о характере этой грамоты. Скептическое отношение к этим сведениям не имеет под собой никаких оснований.

Признание грамоты вел. кн. Александра основополагающим законодательным актом Пскова XIV в. заставляет поставить вопрос о личности этого князя (следовательно, о времени появления грамоты).

Как известно, в литературе этот вопрос ставился столько раз, сколько раз изучалась ПСГ. В пользу кн. Александра Михайловича Тверского высказывались Н. П. Мурашевич, А. И. Пикетский, П. П. Мрочек-Дроздовский, М. А. Дьяконов, А. И. Лихтерман, М. К. Розанова, В. Д. Мартынович, А. А. Зимин; в пользу Александра Псковского — П. В. Калачов, П. В. Зингельман, М. Ф. Владимирович-Буданов, В. П. Сергеевич, В. П. Латкин, П. В. Кафенгауэ, Л. В. Черешнин, П. И. Половину «наиболее подходящей кажется . . . кандидатура» кн. Александра Федоровича Ростовского.¹⁰ Однако эта «кандидатура» едва ли является ценной находкой. Решающий аргумент против нее состоит в том, что кн. Александр Федорович, появившийся в Пскове в 1410 г., не мог иметь никакого отношения к «грамоте в. к. Александра», известной ранее 1395 г. (не говоря уже ни о том, что он вообще не был «великим»: «великих князей ростовских», о которых пишет Половин, никогда не было; ни о том, что он в Пскове себя ничем не проявил; ни о том, что выбор его «кандидатуры» вообще является совершенно произвольным).

Источником для суждения о личности вел. кн. Александра является грамота митрополита Кириила. Судя по ней, Александр не номинальный носитель титула, а пламенный владыка, который «волен . . . и своим княжением всякая дела управлять и грамоты записывать» (сугубо подчеркивается, что он — «князь великий»). Какой же из двух претендентов больше отвечает такой характеристике?

Александр Михайлович Тверской, фаворит большинства исследователей, был князем в Пскове с 1327 по 1337 г. (с перерывом в полтора года). Летопись подчеркивает его хорошие отношения с псковичами («быше добротыи и сердцем в сердце псковичемь»¹¹). Длительность пребывания в Пскове и особые симпатии псковичей

¹⁰ Половин П. И. Псковская Судная Грамота. — Уч. зап. МГУ им. В. И. Ленина, 1952, т. LXV, вып. 3, с. 54.

¹¹ ПЛ, вып. I, с. 17.

в этом князю могут косвенно свидетельствовать о том, что именно с ним позднее связывалась «старина», повещенная в Александровой грамоте. Однако против такого предположения можно высказать три довольно существенных аргумента. Во-первых, Александр Михайлович во время пребывания в Пскове не был великим князем: этот титул и положение он потерял в 1327 г., до бегства в Псков и как раз в связи с событиями, приведшими к бегству. Псковский летописец хорошо понимает это и всюду называет Александра Михайловича просто князем, за исключением только самого первого упоминания о нем. Великим князем в это время неизменно называется Иван Калита, который и занимал такое положение в действительности. Во-вторых, Александр Михайлович явился в Псков (и находился в нем) не как властный государь, а как изгнанник, преследуемый могущественными врагами. К такому изгнаннику трудно применить слова митрополита Кириана: «юноша великий царь в своем царстве, или князь в своем князюстве». В-третьих, летописец довольно подробно рассказывает об отношениях Александра Михайловича с псковичами. Псковичи уговаривают его не ехать в Орду, целуют крест к его князю и т. п., но нигде нет даже намека на какие-то общие установления, связанные с этим князем. Ввиду всего этого возможность отождествления Александра Михайловича с «князем великим Александром», давшим Пскову грамоту, представляется сомнительной (хотя, разумеется, не может быть полностью исключена).

Александр Цевский в 1242 г. освободил Псков от немецких рыцарей, о чем есть гоздественные и довольно подробные сообщения во всех псковских летописях, восходящие, по-видимому, к одному и тому же древнему известию. Псковская II летопись (по Синодальному списку) помещает «Новость о житии и о храбрости благоучного и великого князя Александра» в качестве особого рассказа, предшествующего изложению собственно летописных известий. Поэтому одно и то же событие — освобождение Пскова в 1242 г. — изображено в этой летописи дважды: сначала как эпизод «Новости о житии», потом как самостоятельное летописное известие под соответствующим годом.¹² В обоих случаях приводится обращение Александра Цевского к псковичам по поводу освобождения их города. Если «Новость о житии» воспроизводит речь Александра более многословно и риторически («О невекласи псковичи...») и в то же время довольно неопределенно («лице сего забудете»),¹³ то краткое летописное известие излагает

¹² III, ч. II, с. 13, 21.

¹³ По мнению Ю. К. Бегунова (Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965, с. 64, 191), обращение Александра к псковичам входило в состав первоначального текста жития, составленного во Владимире в 80-х гг. XIII в. В переделанной Виталием реконструкции первоначального текста жития обращение к псковичам излагается от имени автора жития, а не Александра (там же, с. 191).

содержание речи менее красочно, но более конкретно: «клятвою павеща нековичемъ, глаголю: аще кто и напоследи моихъ шеменихъ прибежитъ. . . к намъ пожити, а не приимете. . . то будете окаянны».¹⁴ Известие о клятве — нековичское по происхождению, его нет в других летописях.¹⁵ По всей вероятности, на него повлиял текст жития, известный составителю Нековской II летописи. В представлении нековича-летописца Александр Невский был именно тем князем, который «клятвою павеща» нековичемъ, что он и подчеркнул в своем известии (позанимтовал, может быть, текст самой клятвы из жития и переработал его).¹⁶ Значение и характер действий Александра Невского станут понятными, если вспомнить, что захват Пскова немецкими рыцарями в 1241 г. произошел в результате прямой замены представителей верхушки Пскова. В этих условиях освобождение Пскова могло сопровождаться особым политическим актом, направленным на укрепление связей Пскова со всей Русской землей, в частности с политической властью Руси — властью великого князя. Так именно, мне кажется, и следует понимать «клятву», с которой Александр Невский обратился к гражданам освобожденного города. Летописец ничего не говорит о том, была ли связана «клятва» с какими-то реальными действиями Александра или сохранила чисто моральный характер. Клятва могла быть и крестоцелованием. Но во всяком случае выдача Пскову грамоты об основах княжеского суда и управления могла быть логически и исторически связана именно с переломными событиями 1242 г. и со стремлением Александра Невского сохранить Псков в составе Русской земли.¹⁷ В момент освобождения Пскова и обращения к нековичам с «клятвой» Александр еще не был великим князем. Но он стал им вскоре после этого, причем сохранил положение и титул великого князя 15 лет.

Особое место, уделенное Александру Невскому в нековичской летописной традиции и отражающее его действительную роль выдающегося государственного деятеля, несомненная реальность его власти как великого князя, непосредственное известие о «клятве» его нековичам — все эти моменты приводят к мысли

¹⁴ ИЛ, т. II, с. 21. Аналогично — в Нековская I летопись (ИЛ, т. I, с. 13), Нековская III летопись этих слов не приводит.

¹⁵ Софийская I (ИСРЛ, т. V, с. 181) и Воскресенская (ИСРЛ, т. VII, с. 151) летописи, приходя аналогичные слова, не приписывают их Александру.

¹⁶ На важное значение слов Александра Невского, приведенных летописцем под 1242 г., обратил внимание в Б. П. Кафенгауз (О происхождении и составе Нековской Судной грамоты. — Истор. записки, т. 18, 1947, с. 318).

¹⁷ Л. В. Черешин (Русские феодальные архивы, ч. I, с. 440) приходит к аналогичным выводам, ссылаясь, однако, на выдачу грамоты с более частным вопросом — изгнанием из Пскова немецких тиунов. В. Т. Пашуто (1) Александр Невский в борьбе русского народа за независимость. М., 1951, с. 108; 2) Александр Невский. М., 1975, с. 79) также считает, что одна из первых грамот Пскову была выдана Александром Невским.

о вероятности тождества Александра Невского с тем «князем великим Александром», чья грамота стала основой несковской письменной правовой традиции (хотя, разумеется, не решают этого вопроса окончательно). Дополнительным аргументом в пользу предположения об Александре Невском как об авторе Александровой грамоты может служить тот факт, что в первых десятилетиях XIII в. относятся первые известия о практике выдачи городам княжеских грамот. И имеют в виду княжеские грамоты Новгороду, известные более или менее достоверно со времен князей Ярослав Всеволодовича и Мстислава Удалого.¹⁸ Эти грамоты составили, по видимому, основу новгородской «старинны и долинны» в отношениях с князьями: так во всяком случае они интерпретируются в позднейших (начиная с 1260-х гг.) новгородско-княжеских докончаниях. Существование в Новгороде грамот, определяющих основы отношений с князем, т. е. (применительно к XIII в.) конкретные условия вхождения Новгорода в политическую структуру Русской земли, усиливает вероятность выдачи подобной же грамоты и Нскову, причем именно в то время, когда опасность утраты Нскова (после дяди Юрьеном, уже захваченным врагами) могла казаться наибольшей.

Один из наиболее сильных аргументов против признания Александра Невского автором грамоты Нскову заключается в том, что во времена Александра Невского Нсков не имел политической самостоятельности, а был только пригородом Новгорода. В развернутом виде этот аргумент приводит А. И. Никитский: «Такое пожалование могло быть вызвано только собственными заслугами нековичей, но отнюдь не могло быть следствием оказанной им новгородцами помощи, которая могла вести только к усилению Великого Новгорода над Нсковом».¹⁹ К мнению Никитского без оговорок присоединились М. А. Дьяконов, М. К. Рожкова, П. Д. Мартысевич, П. И. Полосин. В основе аргументации Никитского лежит предположение, что освобождение Нскова и победа на Чудском озере — частное дело одних только новгородцев, защищавших свои пригороды. Однако летопись говорит иначе: «Поиде князь Александр с новгородци и с братом Андреем и с шлющци на Чюдскую землю на немци».²⁰ Таким образом, в представлении самих новгородцев — составителей своей Первой летописи — поход 1242 г. был осуществлен силами всей Русской земли, а не одного только Новгорода. Нсков был освобожден не новгородцами, а русскими войсками (и состав которых, в частности, входила и новгородца). Освобождение Нскова имело зна-

¹⁸ И думаю, что Л. В. Черешнин (Русские феодальные архивы, ч. 1, с. 439) вполне обоснованно связывает «Александрову грамоту» Нскову с «Ярославскими грамотами» Новгороду.

¹⁹ Никитский А. И. Очерк внутренней истории Нскова. М., 1873, с. 108.

²⁰ IIIЛ, с. 78.

чески не только для его так наз. «старшего брата», но и для всей Русской земли, сохранившей и в период феодальной раздробленности, и Батыева нашествия известное политическое единство. Более того, судя по всем имеющимся данным, Александр Невский никогда не записывал перед новгородской господой и никогда не выступал (в отличие, например, от своего деда Мстислава Удалого) в качестве только новгородского князя — защитника сепаратистских интересов новгородской верхушки. Именно борьбы с новгородским сепаратизмом, особенно опасным в условиях ослабления великокняжеской власти и результате катастрофы 1238—1240 гг., могла быть одной причиной для выдачи грамоты Пскову. Всякое усиление непосредственного влияния великого князя на Псков подрывало позиции и нековских, и новгородских сепаратистов. Необходимо обратить внимание на то, что первые признаки возрастания независимости Пскова от Новгорода относятся именно ко второй половине XIII в.²¹ В 1265 г. в Пскове появляется Довмонт — вполне независимый от Новгорода князь, сохранивший власть до 1290 г.²² Вероятно, далеко не случайно Довмонт, прибыв в Псков, сразу же породнился с домом Александра Невского, женившись на его внучке Марии Дмитриевне.²³ Таким образом, первый аргумент, выдвигаемый против возможного авторства Александра Невского, и считаю неубедительным.

Второй аргумент тоже сформулирован А. И. Пикетским: Иван III, которому были представлены нековские грамоты, нашел, что это грамоты «не самих великих князей»; отсюда делается вывод, что титул великого князя нековичи употребили произвольно.²⁴ Однако М. В. Черепнин убедительно отводит этот аргумент, объясняя слова великого князя тем, что нековичи послали ему не подлинники самих грамот, а выписки из них.²⁵ Это могли быть также и копии (списки) с грамот.

Третий аргумент выдвинул А. И. Лихтерман: «Если бы эта грамота (т. е. Александра, — *ИД.* А.) была бы отнесена к . . . XIII в., вероятно, имелась бы возможность выделить ее из общего текста на основании филологических признаков».²⁶ Этот аргумент теряет силу ввиду того что ИСГ относится не к самой «Александровой грамоте», а выписки из нее, подкрепленные редакционными и, вероятно, лексическими поновлениями.

²¹ По наблюдениям С. И. Володиной (к вопросу о положении Пскова в составе Новгородской феодальной республики. — *История СССР*, 1974, № 2, с. 155—152), Псков обладал значительной долей самостоятельности задолго до Володимирского договора 1348 г.

²² ИСГ, ч. II, с. 16, 83.

²³ Там же, с. 17.

²⁴ Пикетский А. И. Очерк внутренней истории . . . с. 107.

²⁵ Черепнин М. В. Русские феодальные архивы, ч. I, с. 318.

²⁶ Лихтерман А. И. К вопросу о происхождении Псковской Судной грамоты. — *Труды Пенн. археол. об-ва*, 1911, вып. 7, с. 38.

Итак, не считая вопрос безоговорочно решенным, и думаю, что Александр Невский — наиболее вероятный автор «Александровой грамоты».

Значение послания митрополита Кириана как источника по истории некоего законодательства не исчерпывается указанием на грамоту вел. кн. Александра как на основу некоей традиции. Большой интерес представляет и известие о деятельности архиепископа Дионисия, которую митрополит квалифицирует как попытку нарушить некое старину. В литературе наибольшее внимание деятельности Дионисия в Некове уделили А. И. Пикитский, М. Н. Тихомиров и Л. В. Черешин. По мнению Пикитского, эта деятельность заключалась в попытках ограничить власть погородского владыки и устроить быт некоего монастыря.²⁷ Значительно шире подошел к известным о деятельности Дионисия Тихомиров. Он прямо связывает ее с составленным одним из ранних вариантов Нековской Судной грамоты — «Дионисий принимал участие в переработке старой грамоты, когда то данной великим князем Александром» — и непосредственно приписывает Дионисию ст. 77 ПСГ (ст. [70] рукописи).²⁸ Черешин, как и Тихомиров, находит, что грамота Дионисия заключала в себе вмешательство в светские дела, однако отказывается видеть след этой грамоты в ст. 77. По его мнению, грамота Дионисия скорее должна была дополнить ст. 1, определяющую круг дел, подведомственных княжескому суду. Нововведения Дионисия были отменены митрополитом, в ответ на них явилась новая статья 109.²⁹

Я не думаю, что у нас есть возможность установить конкретное содержание приписок Дионисия и их непосредственную связь с той или иной статьей ПСГ. Однако послание митрополита Кириана позволяет проследить некоторые черты этих приписок. Они, по-первых, касались вопросов суда, т. е. имели прямое отношение к тематике Александровой грамоты и будущей ПСГ. Во-вторых, «приписки», по признанию митрополита, были сделаны «в мятежное время», т. е. в период обострения социальной и политической борьбы в нековском обществе в связи с ересью стригольнички. Именно борьба со стригольниками была официальной причиной посланки в Неков суздальского архиепископа. «Приписки» были сделаны при особых обстоятельствах и, по всей вероятности, отражали известный компромисс между борющимися сторонами. В-третьих, действия архиепископа Дионисия расцениваются как самополюные и противопоставляются действиям «князя великого Александра», который «шол в своем княжестве». Митрополит Кириан, по входу и рассмотрению

²⁷ Пикитский А. И. Очерк внутренней истории... с. 232—236.

²⁸ Тихомиров М. Н. Исследования о Русской Праде. М., 1941, с. 121, 122.

²⁹ Черешин Л. В. Русские феодальные архивы, ч. 1, с. 442.

«приписок» по существу, делает упор именно на эту, так сказать процедурную, сторону. Только князь может «списывать» грамоты — таков лейтмотив послания митрополита. Наконец, в четвертых, само послание с его требованием восстановить «старину» не вызвано, по-видимому, обращением некоей, а направлено в Псков по собственной инициативе митрополита. При этом неизвестно, в какой степени некие последовали указаниям митрополичьей грамоты.

Все это заставляет предполагать, что в 80—90-х годах в Пскове имели место достаточно серьезные судебно-административные реформы, формально связанные с архиепископом Дионисием и исходившие по некоему случаю не от княжеской власти. В формально-юридическом отношении эти реформы означали дополнение грамоты вел. кн. Александра новыми «приписками», т. е. пересмотр и дополнение существовавшего до тех пор писаного права. Трудно себе представить, чтобы инициатором этих реформ был чуждой Псковской земле человек — приехавший в Псков суздальский архиепископ. Наиболее вероятно, что инициатива реформы исходила от самих некоев и их руководящего органа — веча, участие архиепископа Дионисия носило ограниченный и формальный характер санкционирования некоего решения авторитетом духовного властителя.

Большое значение для изучения истории некоевого законодательства имеет грамота митрополита Фотия от 24 сентября 1416 г.³⁰ Ценность сведений, содержащихся в послании митрополита Фотия, особенно возрастает при сопоставлении их с наблюдениями, которые были сделаны выше относительно послания митрополита Кириана. Наибольшее значение имеет судьба грамоты Александра. Если послание Кириана рассматривает грамоту вел. кн. Александра как основу некоевого права, отождествляя ее с некоевой старинной, то послание Фотия не содержит вообще никаких упоминаний об этой грамоте. В то же время послание Фотия много говорит о некоевой старине и посылке. Отсюда напрашивается вывод: за 20 лет, отделяющих первое послание от второго, в системе действующего некоевого права произошли существенные изменения. Во времена первого послания грамота вел. кн. Александра еще сохраняла самостоятельное значение: во всяком случае митрополит Кириан считал реальной задачей очистить эту грамоту от «приписок». К моменту второго послания грамота Александра такое значение, видимо, утратила, она растворилась в некоевой «старине», за которую ратует теперь митрополит Фотий, противопоставляя эту «старину» «накостной» и «душевредной» грамоте Константина.³¹ По-видимому,

³⁰ РИБ, т. VI, № 44, стлб. 385.

³¹ Грамота митрополита Ионы 1461 г. говорит о вел. кн. Александре уже в другом контексте: «Как то пошло у нас, цана добрая старина, от и. к. Александра» (РИБ, т. VI, № 90, стлб. 675). Таким образом, хотя «старина» и идет от Александра, но грамота его уже не упоминается.

попытка полностью очистить грамоту Александра от «принисеок» и сохранить за ней ее первоначальное значение основы псковского права в конечном счете не удалась. На основании этого можно прийти к какому-то заключению: именно в этот промежуток времени, между 1395 и 1416 гг., сложился свод псковского права, включивший (полностью или частично) грамоту вел. кн. Александра и какие-то «принисеки». Это заключение, сделанное на основании независимых от ПСГ источников, подтверждает данная заголовка ПСГ в той его части, в которой говорится о «принисеках» из грамоты вел. кн. Александра и о «принисеках псковских пошани». Более того, дата (1397 г.), содержащаяся в заголовке, вполне может соответствовать времени составления этого свода: свод, включивший Александрову грамоту, к 1416 г. стал уже привычным даже для митрополитской кафедры, рассматривается ею как «старина» и противопоставляется попыткам поновлений в последние годы; наиболее вероятно поэтому, что он появился в начале отмеченного выше периода, т. е. значительно ближе к 1395, чем к 1416 г.

Если из послания митрополита Кириана вытекает реальность грамоты Александра, то послание Фотия подтверждает существование и другого источника ПСГ, о котором говорит ее заголовок, — грамоты Константина. Какой же характер носила эта грамота?

В отличие от своего предшественника, митрополит Фотий обращается к псковичам по их просьбе, а не по своей инициативе; право кн. Константина «списать» грамоту само по себе у него сомнений не вызывает. Речь идет только о неприемлемом (для псковичей) содержании этой грамоты. Само это содержание остается для нас тайной: мы не знаем даже, каких сторон права касалась эта «наказная» и «дуневродная» грамота. Можно отметить только некоторые ее черты. Во-первых, грамота исходила именно от князя — никакого «самовольства» никто не допускал. Во-вторых, грамота была связана с крестоцелованием, т. е. с присягой. В-третьих, не исключено, что князь Константин выдал Пскову не одну грамоту, а по крайней мере две: в послании говорится о «последней» грамоте и убеждается именно она. В-четвертых, эта грамота вызвала протест официальных (по всяком случае влиятельных) представителей Пскова, обратившихся к митрополиту с просьбой об отмене присяги. Наконец, в послании говорится не об отдельных положениях грамоты, а о всей грамоте в целом («установленную свою грамоту»).

По всей вероятности, грамота дана незадолго до 1416 г., т. е. связана со вторым (а не с первым) пребыванием кн. Константина Дмитриевича на псковском столе. Можно предположить, что князь пытался навязать псковичам свою волю в одностороннем порядке, заставив их присягнуть на своей (почему-то нежелательной для них) грамоте. В этом уже заключается по существу разрыв с псковской стариной — с основами псковского права.

Но грамота кн. Константина касалась, по-видимому, не только формальных вопросов, но и означала стремление изменить в некоем порядке по существу (отсюда ее «душевредность» и «шавость», а не просто нарушение старины). Надо думать, она касалась достаточно важных вопросов, связанных со всей Псковской землей («державой»). Едва ли можно понимать «душевредность» и «шавость» грамоты в смысле церковнодогматическом. Митрополит в этом случае вряд ли ограничился бы ролью арбитра, а скорее всего активно бы вмешался в существующий дела, как это делалось в других посланиях, посвященных церковной тематике. «Шавость» и «душевредность» грамоты Константина не имеют, вероятно, прямого отношения к религиозным вопросам.

Таким образом, грамота кн. Константина в 1416 г. отвергается *in toto*. Но сама важность и острота вопросов, содержащихся, по-видимому, в ней, могли заставить в дальнейшем вернуться к ее положенным и частично исключить их в действующее псковское право: именно так можно объяснить слова заголовка ПСГ о «выписках» из грамоты кн. Константина. Не исключено и другое объяснение: в некоем законе попали выдержки из другой, более ранней (не «последней») грамоты Константина, в содержании которой нам решительно ничего не известно. Но во всяком случае очевидно, что если свод некоего права появился в 1397 г., то, конечно, никак не выписки из какой бы то ни было Константиновой грамоты и него пойти не могли.

Итак, привлечение других источников свидетельствует о достаточно высокой степени достоверности некоторых сведений, содержащихся в заголовке ПСГ. Грамоты обеих князей, на которые заголовок ссылается, действительно существовали; свод некоего права появился скорее всего действительно около 1397 г., при этом в его основу, по всей вероятности, действительно положены Александрова грамота и приписки некоем пошлени. В то же время, однако, грамота кн. Константина не могла быть использована при составлении этого свода; упоминание этой грамоты, а также акты соборов заставляют предполагать, что свод некоего права, составленный в 1397 г., в дальнейшем подвергался дополнениям и изменениям, при этом заголовок свода в его последующих редакциях мог традиционно сохранять дату 6905 г. как дату составления первого и основного свода некоем пошлени. Как известно, древнерусские кодексы обычно не датируют себя: Русская Правда, княжеские уставы, Новгородский Судный грамота не содержат дат своего составления. Дата 6905 г. в заголовке последней редакции ПСГ могла носить характер ретроспективного указания на составление основного свода, на начало некоем вечевой письменного законодательства.

Итак, наиболее вероятное (хотя, разумеется, не выходящее из области гипотез) предположение, которое можно высказать

в настоящее время, заключается в том, что примерно в 1397 г. был составлен свод псковского права, в который вошли «выписки» из грамоты вел. кн. Александра и «приписки» псковских пошлин. Если считать, что эти слова заголовка ПСГ относятся к своду 1397 г., то этот свод — уже не просто грамота Александра с дополнениями в виде приписок (как характеризовал законодательную попытку Двоинника митрополит Кирилл), а новый памятник — результат редакторской переработки своих источников. Поэтому задача, маневренная в том или ином виде почти всех исследователей ПСГ, — реконструировать текст грамоты Александра или хотя бы выделить конкретные статьи, с этой грамотой связанные, — при всей своей привлекательности едва ли имеет решение.²² Это не значит, однако, что нельзя попытаться представить себе в самом общем виде, что могло содержаться в грамоте Александра, хотя такая попытка, конечно, будет очень условна и основана по необходимости на ряде допущений.

Принимая, что наиболее вероятным автором грамоты является Александр Невский, получаем возможность привлечь для сравнения с интересующей нас «грамотой Александра» современные или близкие к ней по времени материалы новгородско-княжеских докончаний. Однако нужно иметь в виду, что о тождестве или хотя бы о текстуальной близости в данном случае не может быть и речи. Новгород — не Псков, его старина старше, положение прочнее, право более разработано. Княжеские грамоты Новгороду носят характер договоров, а не односторонних пожалований (имею в виду реально известные грамоты, а не таинственные грамоты Ярослава Мудрого или «уставы старых князь», данные Всеволодом Большое Гнездо в 1209 г.²³). Речь может идти в лучшем случае только об однотипности в самых общих чертах — однотипности, определяющейся основным фактом принципиального схождения ситуаций. При всем количественном и качественном отличии Новгорода от Пскова в социально-политическом отношении это — однородные организмы, это — вечевые города, стоящие во главе тянущих к ним земель; города, не имеющие постоянной княжеской власти и развитой системы сеньориальных отношений, замыкающихся на князе; города-земли, в которых развитие феодальных отношений не связано с системой княжеских пожалований и иммунитетов, а принадлежность к правящей верхушке, политическая власть и экономическое могущество не имеют ничего общего со служебными отношениями к князю. Задачи княжеской власти в этих вечевых городах-землях по существу однотипны. Князья могут сохранять свое положение в этих городах и решать свойственные им политические (прежде всего внешнеполитические) задачи, только признавая в той или

²² «Выделить конкретно те или иные статьи ПСГ, которые восходят к ее источникам. . . нам представляется крайне затруднительным», — пишет А. А. Зимин (ИРИ, вып. II, 1953, с. 285), и с ним нельзя не согласиться.

²³ ИРИ, с. 50, 248.

ипой степени *status quo* этих городов-земель, т. е. идя на соответствующее соглашение с ними, во всяком случае с наиболее influentialными элементами их общества (причем не обязательно с его верхушкой, возможно и противопоставление этой верхушке социальных низов с целью ее ослабления и усиления своих позиций). Важнейшее значение при этом приобретает разграничение интересов князя и его аппарата, с одной стороны, и местного общества — с другой. Отсюда неизбежный характер взаимности обязательств в том или ином виде, который пронизывает все новгородско-княжеские грамоты. Давая грамоту далекому Пскову, едва державшемуся на самой границе Руси против натиска Ордена и Литвы, в условиях соседства всегда шаткого Новгорода, вел. кн. Александр неизбежно от формы этой грамоты должен был не в меньшей мере учитывать специфику и интересы Пскова, чем сам он, его отец и дед, брат и племянники делали это в отношении Новгорода. В данном случае это было особенно важно: прочность связей Пскова с Русской землей воплощалась в прочность его политических связей с князем, минуя Новгород.²⁴ С не меньшей остротой, чем в Новгороде, должен был стоять в Пскове вопрос о защите собственных интересов князя и его аппарата. Ввиду этого можно предположить, что, далеко не совпадая текстуально, новгородско-княжеские грамоты и грамоты вел. кн. Александра Пскову должны были иметь принципиально роднящую их общие черты.

Новгородско-княжеским докончаниям посвящена обширная литература. В центре внимания большинства исследователей, как правило, датировка и конкретные обстоятельства составления грамот. Новгородско-княжеские докончания привлекаются в первую очередь как источник по истории политических отношений XIII—XV вв.²⁵ При таком подходе, естественно, в центре внимания оказываются индивидуальные черты грамот, их отличия друг от друга, проявляющиеся в конкретно-исторических реалиях и в тех или иных отступлениях от обычного формуляра.

Но можно поставить и обратную задачу — попробовать определить именно общие, наиболее традиционные и устойчивые черты новгородско-княжеских докончаний.

Ознакомление с новгородско-княжескими грамотами свидетельствует, что при отсутствии строго выработанного формуляра основное содержание грамот за 200 лет изменилось мало. Каждая грамота имеет индивидуальные черты, отражающие то

²⁴ О стремлении Александра Невского непосредственно общаться с Псковом свидетельствуют, например, события 1257 г.: князь Олокеандр выгнал сына своего из Пскова и послал в Новгород (ИИЛ, с. 82).

²⁵ См., например: П р е с н и к о в А. Е. Обращение Великолукского государства. Пгр., 1918; Ч е р е п и н Л. В. Русские феодальные архивы, ч. I; З и л и н А. А. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. — Проблемы источниковедения. V, 1956, с. 300—328; Я н и н В. Л. Новгородские посадники. М., 1962; и др.

или иные конкретные моменты истории отношений Новгородя с князьями. Паряду с этим выделяются тексты, переходящие из грамоты в грамоту почти (или совсем) без изменений и отражающие стабильную основу новгородско-княжеских отношений.³⁶

В новгородско-княжеских докончаниях можно наметить четыре группы статей.

Первую группу составляют статьи, связанные с судом и управлением (грамот не посуажати; вольного ряду не посуажати; без посадников волостей не раздавати, ни грамот не давати; новгородские волости держати новгородскими мужами; без вины мужа волости не лишати; суд по делам новгородцев не судити вне Новгородской земли; самосуда не замышляти; за рубеж дворянам суда не ходити; плачего не пошло; кто начнет водити — веры не ити).

Вторая группа — это статьи, защищающие новгородское землевладение и землевладельцев, и первую очередь феодалов (села и закладней не держати; слобод не ставити; людей не паводити; холопа, должника и поручника выданати; старосту, холопа, робу, должника без господаря не судити; купец — и свое сто, смерд — и свой погост).

Третья группа статей — о княжеских людях и доходах (дворянам ходити по пошлине, с указанием размера погонаж; новгородцам княжих пошани не тати; судью княжему садити по волости на Петров день. Здесь же точное перечисление княжеских угодий и регалий).

Четвертая группа — статьи, отражающие специфические интересы новгородского купечества (о размерах торговых пошлин, о немецком дворе, о мыте и его размерах, о свободе гостить новгородцам на Пизу, о невзимании пошани с купцов кроме ратной поести).

В каждом докончании перед нами не случайный индивидуальный подбор статей, вызванный требованиями момента, а свод постановлений, стабильный в своих основных частях и включающий в качестве вариантов только второстепенные детали и уточнения. Вполне возможно, что этот свод восходит к первым десятилетиям XIII в. — временам кн. Ярослава Всеволодовича и Мстислава Удалого.³⁷ Во всяком случае уже к 60-м годам XIII в. Новгород имеет развитую систему правовых отношений с князем. Эта система отношений, касавшаяся разнообразных вопросов суда, управления, землевладения, положения различных людей,

³⁶ Такой характер грамот для возможности сделать попытку составления общенормативного формуляра грамот: Соловьев С. М. Об отношениях Новгорода к великим князьям. М., 1846, с. 129—141; Сергеевич В. И. Вече и князь. — Древности русского права, т. II. Изд. 3. СПб., 1908, с. 88—89.

³⁷ Янин И. Л. Новгородские посадники, с. 136. — Л. В. Черепнин (Русские феодальные архивы, т. I, с. 253) считает, что договорный формуляр разработался в первой половине XIII в. Аналогичное мнение высказывает и В. И. Сергеевич (Вече и князь, с. 88—90).

торговых дел и т. д., была важной составной частью права Новгородской земли. Однако в единственном сохранившемся своде новгородского права — Новгородской Судной грамоте — новгородско-княжеское право почти не отразилось: ни одну из 42 статей ИСГ нет возможности непосредственно сопоставить с каким-либо текстом новгородско-княжеских докончаний.⁹⁸ Правда, в лице ИСГ перед нами не весь свод новгородского права, а только, по-видимому, относительно небольшая его часть, говорящая об общей организации суда и о суде по некоторым важнейшим преступлениям.⁹⁹ Но эта часть имеет существенное значение. Как видим, кроме развитой и стабильной системы правовых норм, отраженных в договорах с князьями, в Новгороде функционируют и совсем другие нормы, касающиеся принципиально важных и конструктивных вопросов права, но никак с княжескими грамотами не связанные. Свод новгородского права складывался далеко не только под влиянием норм княжеских грамот. Напротив, эти нормы, по всей вероятности, сами зависели от сложившегося новгородского права, от новгородской старшины и пошляны. ИСГ — вечевое законодательство, возникшее без видимой связи с княжескими грамотами. Эта грамота и докончания с князьями имеют общий источник и общее происхождение — право вечевых городов-земли, отражающее социальное и политическое бытие этой земли и в свою очередь отраженное в разных своих аспектах по-разному в Судной грамоте и в договорах с князьями.

Подойдя с той же меркой к Александровой грамоте Пскову, с одной стороны, и к своду псковского права, отраженному в ИСГ, — с другой, мы вынуждены будем признать, что грамота князя великого Александра, независимо от своей формы и от того значения, которое принимала ей псковская правовая традиция, едва ли могла существенно отличаться по составу и содержанию от княжеских грамот Новгороду. Более того, материальное влияние этой грамоты на свод псковского права едва ли могло быть особенно значительным — более значительным, чем, например, влияние новгородско-княжеских договоров на Судную грамоту Новгорода. Как в Новгороде, так и, по всей вероятности, в Пскове целые разделы права складывались без какого-либо прямого влияния княжеских грамот.

Вероятное содержание Александровой грамоты — гарантии псковской пошляны и обеспечение интересов князя и его людей.

⁹⁸ Черепнин И. В. Русские феодальные архивы, ч. 1, с. 373—396.

⁹⁹ Относительно полноты и состава ИСГ высказываются разные мнения. М. Ф. Владимирский-Буданов, М. П. Явичский, Л. В. Черепнин считают, что до нас дошел отрывок или выборка из текста ИСГ; В. М. Кочаков и А. А. Зимин думают, что мы имеем дело с целостным текстом без существенных сокращений. Но независимо от того, какой из спорящих сторон ближе к истине, очевидно, что ИСГ отражает далеко не все реальные нормы права, действовавшие в Новгороде.

Если второй момент был разработан, вероятно, подробно, то принцип скорее всего мог декларироваться только в общем виде: некоевая пошлаина как таковая от князя не зависела и не могла быть ему детально известна. Важно подчеркнуть, что грамота Александра не отразилась на известной нам конструкции ПСГ. Как мы видели, есть основания думать, что уже при составлении Свода 1397 г. текст грамоты потерял свою цельность и был в переработанном виде включен в этот Свод. Следы грамоты вел. кн. Александра можно, мне кажется, видеть в первых статьях ПСГ, говорящих об основах судеустройства, а также в разбросанных по разным разделам памятника статьях, упоминающих княжеских людей и их функции и доходы.⁴⁰ Но это не более чем следы Александровой грамоты, дошедшие в позднейших (возможно, неоднократных) переработках и изменениях.

Небольшое влияние грамоты Александра на конкретный текст ПСГ отнюдь не соответствует ее роли в истории некоевого права. Надо полагать, что эта роль была очень существенной. Только опираясь на грамоту Александра Невского, некоевичи могли на протяжении полутора веков сохранять свою пошлаину, чтобы в дальнейшем, по мере развития общественных отношений, составить цельный свод своего права. Как видно из послания митрополита Кирилла и из заголовка ПСГ, грамота вел. кн. Александра стала стержнем, вокруг которого сложилось и оформилось новое писаное право печеного города-земли.

Свод 1397 г. — это писанки на грамоте Александра и принципы некоевских пошлаин. На вопрос — можно ли реконструировать состав и содержание этого первого свода некоевого права — в целом приходится дать отрицательный ответ. Свод 1397 г. в дальнейшем, по-видимому, подвергался не только расширению (путем включения новых статей), но и редактированию (старые статьи исключались, текст систематизировался). Только так можно объяснить отсутствие существенных противоречий в тексте ПСГ и наличие известной системы в изложении материала.⁴¹ Сколько раз редактировался Свод 1397 г. до появления ПСГ в известном нам виде, сказать тоже нельзя. Единственной статьей, время записи которой можно установить более или менее точно, — это ст. 107. Судя по денежному счету на пенязи, она скорее всего была записана между 1409 и 1424 гг., т. е. и первоначальный свод не входила. Велюд за ст. 107 идет ст. 108, устанавливающая основные принципы кодификационной деятельности некоевского веча. Вероятно, эта статья читалась и в Своде 1397 г.

⁴⁰ Кдва ли можно отнести к Александровой грамоте последние 12 статей ПСГ, как это делают М. К. Рожкова и Л. В. Черешни. Эти последние по содержанию статьи, частично отражающие обычное право, не имеют никакой пидологии и нонгородско-княжеских докончаний.

⁴¹ «Редакторы не просто присоединяли по временной последовательности бывшие у них в руках источники, а систематизировали нормы...», — справедливо отмечает Л. В. Черешни (Русские феодальные архивы, ч. 1, с. 437).

Помещение ее после ст. 107 говорит о какой-то новой редакции свода: ст. 108 была или передвинута со своего первоначального места, или заново написана вновь после статьи о пенязех. Эта новая (услышно — вторая) редакция ПСГ могла быть сделана между 1409 и 1424 гг. Можно высказать предположение, что с этой «второй» редакцией связано появление группы несистематизированных статей — от 98 до 107-й включительно. Может быть, «вторая» редакция как-то связана с манускриптами на грамоты кн. Константина? Однако все это — область предположений, не дающих оснований для каких-либо выводов.

Ст. 109, вероятно, не читалась ни в Своде 1397 г., ни во «второй» редакции. Эта статья носит специфический характер, касается предметов церковного суда, и могла существовать первоначально как отдельный памятник. Соединение ее со сводом некоего права произошло, вероятно, на относительно позднем этапе.

На позднем же этапе в свод попали несистематизированные статьи 110—120, в которых запись архаических и общеправовых норм перемежена со статьями, носящими характер указов и постановлений. Эти статьи, видимо, занесывались по мере их принятия вечно и не успели пройти редактирование. Об этом говорят не только их нестрога и бессистемность, но и аналогии в других частях памятника, но и тот факт, что все эти статьи занесены после ст. 108, означающей логический конец свода, и ст. 109, носящей характер дополнения к своду.

Можно думать, что после 1424 г. полного редактирования свода не было: ст. 107 осталась со старым денежным счетом.

Наш памятник — ПСГ — можно условно назвать третьей редакцией или третьим сводом некоего права. Эта редакция включила второй свод — во ст. 108 с дополнениями, сделанными позже и еще не успевшими подвергнуться переработке.

Итак, имеющиеся у нас сведения и основанные на них предположения об этапах истории текста ПСГ можно обобщить следующим образом.

На первом этапе — до конца XIV в. — в Некове существовала грамота вел. кн. Александра, частично отражавшая некоего пошлину. 1397 год — год создания первого свода некоего права, включившего грамоту Александра в переработанном виде. С этого времени начинается второй этап кодификации некоего права — запись новых и редактирование старых статей. Гипотетически можно предположить вторую редакцию свода около 1420-х годов. Третий и последний этап кодификации — составление ПСГ после 1462 г. ПСГ, таким образом, избрала в себя Свод 1397 г. и его последующие изменения и дополнения. Перед нами — свод живого, действующего права вечного города-земли середины XV в., восходящий к самым ранним этапам складывания этого права.

Такова очередная рабочая гипотеза о происхождении и отдельных этапах создания ПСГ. Как и у других гипотез, у нее есть

свои достоинства и недостатки; как и они, она не может претендовать на окончательное решение поставленных вопросов. Единственно возможное положение, которое мне представляется принципиально важным и в существе своем достаточно убедительным, — это необходимость подхода к дошедшему до нас тексту как единому целому своду, который в основе своей не является ни механической суммой своих источников, ни хаотической смесью их разрозненных обломков.

А. И. КИРИЧЕНКОВ

**ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ПИСЦОВЫХ КНИГ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ
ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ
СРЕДНЕВЕКОВОГО РУССКОГО ГОРОДА**

(по материалам Корелы XV—XVII вв.)

Корела (Корельский городок — в XIV—XV вв., Корела — в XVI в., Кексгольм — в XVII—XIX вв., Кингисальми — в начале XX в., с 1948 г. — Приозерск Ленинградской области) являлась самым северо-западным городом Новгородской земли. В русской истории этот город выступает и как форпост, оборонивший северные рубежи страны от шведской экспансии в XIV—начале XVII в., и как самостоятельный экономический и культурный центр на финновязычной окраине Руси. Судьба города отличалась крайней переменчивостью. Частые военные нашествия сдерживали его развитие и сказывались на составе населения, к концу XVII в. сменившегося несколько раз. При всем этом историческая миссия Корелы определялась уже в новгородское время и заключалась в закреплении Корельской земли в рамках Северной Руси.

Древнейшее прошлое Корелы освещено летописными источниками, позднейшее — писцовыми книгами. Однако не они, а сведения, связанные со шведской оккупацией города в 1580—1597 и 1611—1710 гг., главным образом привлекают исследователей. В 1898 г. финский археолог Т. Швиндт выпустил книгу, посвященную укреплениям и постройкам Корелы последней четверти XVI—XVII в.¹ Здесь с замечательной подробностью опубликованы документы шведского строительства в Кексгольме. К сожалению, сведения, собранные Т. Швиндтом, почти не использованы в русской литературе, хотя и послужили основой всех последующих финских изданий, посвященных рассматриваемому сюжету.

¹ Schvindt Th. Käkisalmen pestilinan ja entisen linnostetun kaupungin... — *Analecta archaeologica Fennica* II: 2, Helsingissä, 1898.